

22 июня ушел Наум Коржавин...

Андрей БАЛАБУХА
ОТХОДНАЯ ТРУБАЧУ

С годами мало-помалу привыкаешь, что старшие уходят из жизни, зато в нее входят младшие, ибо природа, как заметил еще Аристотель, не терпит пустоты. А ты сам постепенно из категории молодых плавно перемещаешься в патриархи, утешаясь Соломоновым: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки». Но порою случается, что чей-то уход отзывается вдруг щемящей болью в груди — и тогда уже не смолчать.

Двадцать второго июня умер поэт, эссеист и прозаик Наум Коржавин.

В мою жизнь он вошел не книгами — да и было-то их не так много: с 1963-го по 2008 годы всего полдюжины. И даже сейчас, увы, не все мной прочитаны. И вообще, это не некролог, не статья о нем, не эссе — просто те слова, какие сказал бы, будь мы знакомы.

Он был на двадцать два года старше, формально — предыдущее поколение. Но —

Мы жили потом, но мы к ним приобщались...

Ко мне он пришел не книгами, а тоненькой пачечкой машинописных страниц, напечатанных чуть ли не папиросной бумаге, страниц, которые хранятся у меня до сих пор, страниц, которые я еще тогда, в юности, заучил наизусть — не зазубрил, а просто запомнилось. Это был тот самый советский самиздат.

Уже не помню сейчас, от кого и как это ко мне попало, но слава Богу, что получил. И тогда же, в шестьдесят пятом или шестом году, предпослал своему дебютному, как впоследствии оказалось, рассказу «Аппендикс» в качестве эпиграфа строку из длинного коржавинского стихотворения или, скорее, короткой поэмы «Танька»:

Зло во имя добра — кто придумал нелепость такую?

По счастью, тогда Коржавин еще не эмигрировал, в 1967 году театром им. К.С.Станиславского даже была поставлена его пьеса «Однажды в двадцатом». Однако писатель, выступавший в защиту Юлия Даниэля и Андрея Синявского, был, как говорится, в загоне — не категорически запрещен, но категорически неодобряем. Впрочем, это проскочило: то ли редактриса «Молодой гвардии» Бэлла Григорьевна Клюева не заметила, то ли не захотела заметить, а цензор — анонимный, натурально — тоже прохлопал. Спасибо им.

Правда, впоследствии, уже в семидесятые, я написал в соавторстве с критиком и литературоведом Евгением Павловичем Брандисом статью о моем коллеге и старшем друге Владимире Михайлове и назвал ее «Озабочен грядущей судьбою» (весьма подходящее, на мой взгляд, заглавие для творческого портрета писателя-фантаста) — это полустрока из того же коржавинского стихотворения, кстати. И вот там мне досталось по полной, потому что, хотя номер вышел, статью не сняли, но тогдашний главный редактор рижского журнала «Даугава», когда я поинтересовался, где же гонорар, ответил: «А не надо цитировать диссидентов!». И параллельно настроил донос в ленинградский Обком КПСС.

Два этих микроэпизода были единственными моими литературными соприкосновениями с Коржавиным. Зато нелитературных —оказалось гораздо больше, потому что он... Да, черт побери, ничего он не хотел сказать, ничему не хотел учить, он был вам не Лев Толстой с его проповедями, он просто жил, чувствовал, думал и писал.

*Я не знаю, что надо творить для спасения века,
Не прошу оправданий, снисхождений себе не прошу.
Чтобы жить и любить, быть простым, но простым человеком,
Я иду на тяжелый, бессмысленный риск: я — пишу.*

И писал. А я читал. Как я уже говорил, немного; но даже этого хватило, чтобы у него многому научиться. Хотя учение это было грустным:

*Но всех печальней было в этом мире
Тому, кто знал, что дважды два — четыре.
Тот вывод люди шутками встречали,
И в тюрьмы за него не заключали —
Ведь это было просто не опасно,
И даже глупым это было ясно.
Все было так, что эти единицы
Хотели сами вдруг переучиться.
Но ясный взгляд не результат науки.
Поймите, если можете, их муки:
Они молчали, в сдержанной печали,
И только очи к небу воздевали,
Откуда дождь на них порою лился,
Где Бог дремал, а дьявол веселился.*

Он обрек меня на это печальное знание — и спасибо ему.

И неважно, что его стихи не всегда были технически совершенны. Бог с ними, с глагольными рифмами — они были совершенно человечны, а это совершенство куда выше.

Ну и, наверное, еще одно. Последнее — и самое главное. И здесь я позволю себе привести его стихотворение полностью.

*Я в детстве мечтал, что трубач затрубит,
И город проснется от стука копыт,
И все прояснится открытой борьбой:
Друзья — за тобой, а враги — пред тобой.
Но вот самолеты взревели в ночи,
Но вот затрубили опять трубачи,
Тачанки и пушки пошли через грязь,
Проснулось геройство, и кровь пролилась...
Но в этой сумятице взорванных лет
Мне все ж не хватало знакомых примет.
Я думал, что вижу, не видя ни зги,
А между друзьями сновали враги,
И были они среди наших колонн
Подчас знаменосцами наших знамен.
Жизнь бьет меня часто сплеча, сгоряча,
Но все же я жду своего трубача,
Ведь правда не меркнет, а совесть не спит,
Но годы проходят, а он не трубит...
И старость подходит, и хватит ли сил*

*До смерти мечтать, чтобы он затрубил?
Иль, может, самим надрываться во мгле?
Ведь нет, кроме нас, трубачей на земле!*

Кстати, это слово — совесть — оно очень важно.

Мой друг юности (надеюсь, и сегодня, хотя мы с ним давненько не общались), поэт и эссеист Юрий Колкер посвятил Коржавину великолепное эссе под заглавием «Гонфалоньер справедливости». Да, понятие справедливости для Коржавина было очень важным. Это не просто красивое название, а точное определение сути.

Но понятие совести было не менее важным —

*Да, мы в Бога не верим, но полностью веруем в совесть —
В ту, что раньше Христа родилась и не с нами умрет.*

Как и понятие любви:

*...Но когда ты узнала, что красный профессор твой умер,
Ты в бараке на нарах проплакала целую ночь.
Боль, как зверь, подступала, за горло хватала.
Чем он был в твоей жизни? Чем стал в твоём бреде ночном?
Жизнь прошла пред тобой. В ней чего-то всегда не хватало —
Что-то выжжено было сухим и бесплодным огнем...*

Вот те три кита, на которых Коржавин стоял — не знаю уж, всю ли жизнь, но, по крайней мере, очень, очень долго. До конца.

И сейчас, когда его не стало, мне хочется сказать лишь одно:

«Прощай, трубач, и спасибо за то, что дал возможность услышать твой сигнал».